

ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

АННОТАЦИЯ

В статье дано общепринятое представление о демократии. Показано, что по мере становления сложившейся цивилизации общепринятое понимание термина «демократия» как власти народа было незаметно утрачено. Демократия превратилась в квазидемократию, которая стала отвечать в целом только интересам предприимчивой части общества. Ее материальной основой стала юридически закрепленная по разным схемам и фактическая власть имущих, которая базировалась на частной собственности на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами и на средства производства, которые позволяли извлекать прибыль из большинства населения.

Предполагается по аналогии с известными политическими режимами положить в основу демократии как народовластия положить собственность народа на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства. Такое предложение в принципе меняет структуру собственности, исключает фиктивную необходимость деления власти на ветви и четко определяет место и функции органов управления и социальных институтов по использованию и распоряжению (управлению) объектами собственности в интересах общества и его предприимчивой части.

Ключевые слова: демократия; собственность; публичная собственность; частная собственность; управление; правление; перспективы.

ДОМАКОВ V. V.

PROSPECTS OF RUSSIAN DEMOCRACY

ABSTRACT

The article gives a common understanding of democracy. It is shown that as the formation of the current civilization common understanding of the term «democracy» as the power of the people has been quietly lost. Democracy has become a quasi-democracy, which was responsible in general only the interests of the entrepreneurial society. It was the material basis for a legally enshrined in various configurations and actual powers, which was based on the private ownership of land, which is the habitat of people, with its natural resources and the means of production, which allowed to make a profit from the majority of the population. It is assumed by analogy with well-known political regimes as the basis of democracy as a democracy of the people to put the property on the ground, which is the habitat of people, with its natural resources, the means of production. The proposal, in principle, change the ownership structure, it eliminates the need for fictitious division of power at the branch and clearly defines the place and function of governments and social institutions for the use and disposal of (management) objects of property in the public interest and its adventurous pieces.

Keywords: democracy; property; public property; private property; the management; the board; the prospects.

*Неправильность употребления слов
ведет за собой ошибки в области мысли
и потом в практике жизни.
Дмитрий Писарев*

Демократία (др.-греч. *δημοκρατία*) буквально означает «власть народа» и происходит от др.-греч. слова *ἄνθρωπος* – «народ» и *κράτος* – «власть». Именно как «власть народа» с указанным смысловым наполнением эта базовая категория одинаково воспринималась мировым сообществом и бралась им за основу.

Такое понимание демократии восходит к Древней Греции, где в античных городах-полисах верховной властью обладало собрание, включающее в себя всех равноправных граждан, число которых редко превышало 10000 человек, при этом женщины и рабы гражданских прав не имели, а потому, по сути, были отторгнуты от такой власти. Такие ограничения, накладываемые на отдельные категории жителей полисов, а также рост населения показали, что власть

народа с ростом его численности практически трудноосуществима. Кроме того, наличие в любом классовом обществе его предприимчивой части (рабовладельцев, феодалов, капиталистов, партийно-бюрократического аппарата при социалистическом строе, появившихся российских капиталистов и бюрократического аппарата при постсоциалистическом строе), которые обеспечивали свою избыточную жизнедеятельность за счет большинства населения [8], требовало учета в рамках демократии, прежде всего, их интересов. Поэтому по мере становления сложившейся цивилизации общепринятое понимание термина «демократия» как власти именно народа было незаметно утрачено, и она стала отвечать в целом только интересам предприимчивой части общества. Вплоть до XX в. демократия предполагала, что полноправным гражданством обладает меньшинство населения, а потому остальные фактически исключались из процесса реализации власти.

Подтверждением этому является приведенное в Википедии определение демократии как «политического режима, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса [20] или на его существенные стадии [21]», при этом отмечается, что «хотя такой метод применим к любым общественным структурам, на сегодняшний день его важнейшим применением является государство, так как оно обладает большой властью». Однако государство как «специальная организованность общества» еще со времен Аристотеля предназначалось для реализации лишь трех основных функций [2]:

- 1) обеспечить возможность предприимчивой части общества получать прибыль и наживу за счет большинства населения;
- 2) поддерживать жизнедеятельность большинства на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли;
- 3) стабилизировать такую ситуацию, в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества сразу же наступит благоденствие и остальной большей его части.

С учетом этого демократия в рамках государства и иных «специальных организованностей общества» (реформирования в рамках госу-

дарства, глобализации) [5, С. 24 – 25] фактически превратилась в «квазидемократию» и стала определяться с помощью следующих специфических сущностных признаков:

- 1) назначение лидеров управляемыми ими людьми происходит путем честных и состязательных выборов [19, С. 16 – 17];
- 2) народ является единственно легитимным источником власти [16];
- 3) общество осуществляет самоуправление ради общего блага и удовлетворения общих интересов [1; 14].
- 4) Эти сущностные признаки реализуются всеми «специальными организованностями общества» в нужном им направлении обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части посредством хрематистики. К началу XXI в. важнейшим сущностным признаком такой квазидемократии стала всеобщность выборов, которая получила мировое признание. Это означало, что везде, где имела всеобщность выборов, там имела место демократия, но, увы, в виде квазидемократии.

Применительно к российским условиям знаток русского языка В. И. Даль определял демократию как «народное правление, народодержавие, народовластие, мироуправство; противоположное самодержавие, единодержавие или аристократия, боярщина и пр.» [3, С. 396]. В рамках такого приближения к демократии квазидемократия потребовала обеспечения ряда наглядных и понятных для каждого члена общества прав, а потому с ней связали ряд таких ясных общечеловеческих ценностей как свобода, справедливость, равенство, законность, право на самоопределение и др., которые, однако, оказались не обеспеченными принятой аксиоматикой общественных отношений. Основу такой используемой аксиоматики составили принципы общественных отношений, которые были направлены только на реализацию жизнедеятельности общества через обогащение его предприимчивой части и стабилизацию соответствующей им социально-экономической сферы, а потому выражали только отношение субъектов к общественным отношениям, в рамках которых права были относительны, обязанности абсолютны при фактическом отсутствии ответ-

ственности, которую все с удовольствием брали на себя. Именно поэтому принцип «справедливости» был заменен на принцип «социальной справедливости», принцип «свободы» – на принцип «социальной свободы», принцип «равенства» – на принцип «равноправия» и т. п. [6, С.135–159].

Поскольку при указанных подходах идеал народовластия оказался вообще практически не достижим, то предлагалось множество самых различных моделей квазидемократии. Так, например, до XVIII в. наиболее известной моделью была «прямая демократия», где граждане осуществляли свое право принятия политических решений непосредственно путем достижения консенсуса или с помощью процедур подчинения меньшинства большинству. В «представительной демократии» граждане осуществляли то же право через избранных ими депутатов и других должностных лиц путем делегирования им части собственных прав, при этом выбранные руководители принимали решения с учетом предпочтений руководимых и обещали нести перед ними ответственность за свои действия [23].

Многовековой опыт использования такой квазидемократии неопровержимо показал, что чем больше в ее рамках была концентрация власти в одних руках, тем выше оказывалась степень злоупотреблений и произвола при полном отсутствии ответственности за свои действия. Поэтому на протяжении всей истории человечества шли постоянные поиски путей устранения в этих условиях тенденций такого рода [15, С. 30]. Одна из наиболее рациональных идей, высказанная еще Аристотелем, состояла в разделе в рамках квазидемократии единой власти, на три ветви:

- законодательную;
- исполнительную;
- судебную,

которые должны были вверяться в разные руки.

Активными сторонниками и популяризаторами этой идеи, внесшими существенный вклад в ее разработку, были английский философ-просветитель, политический мыслитель и педагог Дж. Локк (1632-1704 гг.) и французский философ Ш. Л. Монтескье (1689-1775 гг.). Так, по мнению Дж. Локка, безусловный суверенитет

народа, включающий его право на поддержку или свержение правительства, нарушающего законы, применительно к его времени мог быть реально обеспечен только обязательным отделением законодательной власти от исполнительной и судебной [11]. Конкретизируя эту тему для своего времени, Ш. Л. Монтескье писал: «Когда одному и тому же лицу или одному и тому же составу должностных лиц предоставлены вместе законодательная и исполнительная власти, тогда нет свободы, потому что может оказаться, что монарх или сенат будут издавать тиранические законы, чтобы тиранически исполнять их. Нет также свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена с исполнительной властью, судья обладал бы достаточной силой, чтобы сделаться угнетателем. Все было бы потеряно, если бы один и тот же человек, или корпорация высокопоставленных лиц, или сословие дворян, или, наконец, весь народ осуществляли все три вида власти: власть издавать законы, власть приводить их в исполнение и власть судить преступления и тяжбы частных лиц» [13]. Совершенно очевидно, что в рамках такой квазидемократии даже при наличии всеобщей выборности априорное предположение, о том, что ветви власти, составляющие единое целое и реализующие указанные выше функции государства, не станут договариваться друг с другом, а будут являться добросовестными оппонентами друг другу, выглядело исключительно наивным условием выполнения идеи разделения власти.

Тем не менее, не имея ничего лучшего на протяжении последней четверти XX в. весь мир характеризовался общей тенденцией распространения квазидемократии, которую повсеместно принимал за демократию. Во многих странах она стала отождествляться с «либеральной демократией», которая, брала за основу честные, периодические и всеобщие выборы наделенных высшей властью лиц, в ходе которых кандидаты честно должны были бороться за голоса избирателей. Такие честные выборы предполагалось базировать на верховенстве права, которое, однако, обслуживало интересы предприимчивой части общества, на разделении власти на ветви, которые, однако, всегда составляли

единое целое и реализовывали указанные выше функции государства, на конституционных ограничениях власти путем гарантий определенных личных или групповых свобод, которые, однако, никоим образом не меняли сущность государства и т. п.

Внешние признаки квазидемократии отмечались и в ряде авторитарных режимов, в которых властью обладала только одна партия, а проводимая политика не зависела от предпочтений избирателей. Незначительные различия квазидемократии нивелировались общими для нее проблемами, к числу которых относится сепаратизм, терроризм, миграция населения и т. п.

Естественно, что представление «демократии» в варианте «квазидемократии» отличалось исключительно высоким уровнем гомоморфизма и, по сути, ничего общего с народовластием не имело. В то же время следует заметить, что в основе российского понимания демократии как народного правления, также как и противоположного ей понятия «самодержавие», лежит общее для них понятие «власть», выступающая формой правления. Представляя собой «право, силу, волю над чем-либо; свободу действия и распоряжения, начальствование» [3, С. 226], власть во все времена власть базировалась на таком могучем материальном фундаменте, в качестве которого могла выступать только собственность. Так [7, С. 16–18]:

- юридически закрепленная и фактическая власть рабовладельцев базировалась на частной собственности рабовладельцев на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства (предметы труда и средства труда), а также и на самих работников и результаты их труда; ее сущностью было то, что в ней имелись рабы, которых надо было кормить, поить, одевать и заставлять работать;
- юридически закрепленная и фактическая власть феодалов базировалась на частной собственности на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства, а также на крепостных крестьян, являющихся неполными собственниками»; ее

сущностью было то, что в ней имелись работники, которые кормили, поили, одевали себя сами, но все-таки их надо было заставлять работать;

- юридически закрепленная и фактическая власть капиталистов базировалась на частной собственности на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства; ее сущностью было то, что в ней работники сами приходили в рабство, сами себя кормили, поили, одевали и сами себя заставляли работать;
- фактическая власть партийно-бюрократического аппарата базировалась на юридически закрепленной государственной (общенародной) собственности на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства; ее сущностью было то, что в ней работники сами приходили в рабство, сами себя кормили, поили, одевали, сами заставляли себя работать, сами считали себя свободными от гнета капиталистов и им это все нравилось;
- юридически закрепленная и фактическая власть появившихся российских капиталистов и бюрократического аппарата базировалась соответственно на частной собственности и введенных по аналогии с социалистическим способом производства формах собственности на землю, являющейся средой обитания людей, с ее природными ресурсами, на средства производства; ее сущностью стало то, что в ней работники сами приходят в рабство, сами себя кормят, поят, одевают, сами заставляют себя работать, сами считают себя освободившимися от гнета партийно-бюрократического аппарата и им это все очень нравится.

Во всех перечисленных случаях народ, который, по сути, являлся источником власти [10, ч. 1 ст. 3], был отторгнут от собственности, а стало быть и от самой власти. Это привело к тому, что применительно к квазидемократии при любых общественных режимах собственность как экономический источник власти определялась либо

как вещь, имущество (вещи) и материальные блага, которые все вместе, по сути, являлись объектами собственности, либо как отношение определенных лиц к объектам собственности как к своим, как к принадлежащим им (первая часть), и соответственно – отношение всех других лиц к ним как к чужим, не принадлежащим им (вторая часть) [12, С. 479]. Такое урезанное экономическое представление собственности приобретало специфическую, но обязательную для всех при квазидемократии во времени, в пространстве и по кругу лиц ее правовую трактовку в виде права собственности. Оно включало в себя три правомочия собственников со специфическим их смысловым наполнением, буквально означало [9, С. 416]:

«а) владеть, т. е. реально обладать;

б) пользоваться, т. е. извлекать выгоду, для которой имущество предназначено;

в) распоряжаться, т. е. определять его юридическую судьбу: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т. п.»,

а потому весьма односторонне отражали материальную основу власти предприимчивой части общества и делали ее исходной основой для злоупотреблений и произвола.

Отмеченная неопределенность в представлении собственности при квазидемократии компенсировалась ориентацией общества только на создание стабильных, определяющих среду сосуществования антагонистических классов общественных отношений, в которой, прежде всего, была заинтересована именно предприимчивая часть общества, имеющая в этих стабильных условиях гарантированную возможность получения прибыли за счет большинства. По этой причине такая стабильная направленность поддерживалась всеми известными течениями научной мысли, которые, по сути, отражали историческое движение не по ленинской спирали, а фактически только по кругу [22, С. 5].

Если в рамках квазидемократии власть предприимчивой части общества базируется на частной собственности, а применительно к России еще и на формах собственности, то естественно предположить что при демократии народовластие должно базироваться на собственности народа на землю, являющейся средой обитания

людей, с ее природными ресурсами, на средства производства; ее сущностью должно стать то, что в ней люди сами себя кормят, поят, одевают, сами заставляют себя работать, чтобы достойно жить.

Наличие граждан, выступающих в роли сособственников, определяет право их общей совместной собственности, которая приобретает статус публичной собственности, при этом каждый член общества становится сособственником народного достояния без выделения его доли. Между такими сособственниками должны существовать внутренние отношения, которые направлены на согласование их воли при осуществлении принадлежащих им правомочий по одновременному использованию общих объектов собственности, а также возникающими при этом обязанностями и ответственностью. В публичной собственности право каждого сособственника не ограничивается какой-то конкретной частью общего имущества, а распространяется на всю землю и все имущество, в том числе и на доходы, которые оно приносит, и падающие на него обременения. Такая совместная публичная собственность может возникнуть независимо от того, относится ли оно к неделимому имуществу, к имуществу, не подлежащему разделу в силу закона, или к делимому. Наиболее характерными признаками, присущими совместной публичной собственности независимо от оснований ее возникновения являются следующие [9, ст. 244, С. 471–474]:

- она является многосубъектной;
- ее предмет составляет одно и то же имущество, которое относится к общему;
- в общей публичной собственности существуют также и внутренние отношения между самими сособственниками.

Поскольку публичная собственность принадлежит всему народу, то по отношению к другим странам она является односубъектной, и все другие государства как несобственники автоматически обязаны воздерживаться от совершения каких бы то ни было действий, препятствующих такому собственнику в осуществлении по его усмотрению его права публичной собственности.

Введение в рамках народовластия вместо форм собственности публичной собственностью

сти не исключает наличия частной собственности с ее социальным фактором. Поскольку и публичная собственность, и частная собственность в рамках демократии должны обладать равными правами при обеспечении наполнения бюджета страны, который используется в интересах и общества, и его предприимчивой части, а только «общее» или только «частное», по мнению правоведа М. М. Агаркова, являются крайними, вырожденными случаями, то в условиях демократии появляется возможность установления их оптимального соотношения. В качестве критерия эффективности могут служить отчисления в бюджет налогов с находящихся в частной и публичной собственности объектов собственности, которые могут показать, насколько эффективно при данном сочетании объектов частной и публичной собственности функционирует общество в целом и свободное частное общество, подчиняющих свое поведение собственному усмотрению и собственному интересу.

Введение вместо форм собственности публичной собственности с ее ярко выраженной социальной направленностью и включение ее в эффективный хозяйственный оборот в интересах всего российского общества и его предприимчивой части с полным основанием позволяет говорить о ее конкурентоспособности по отношению к частной собственности, возможности более эффективного создания материальных благ для всего общества и каждого его члена, в том числе и для частных собственников. Изложенное с полным основанием позволяет сделать вывод о том, что публичную собственность можно рассматривать как частную, участвующую в хозяйственном обороте и имеющую максимальную социальную составляющую, где все граждане выступают в роли собственников.

Введение новой материальной основы народовластия безусловно, требует своего структурного уточнения. Это требование вытекает из отмеченной выше сложности реализации власти народа при значительной его численности, которая, в частности, и привела к квазидемократии.

С учетом этого в основу морфологического представления публичной собственности следует положить понятие «структура», под которой

обычно понимается совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними. Как видно, это понятие объединяет в единое целое урезанно используемые при квазидемократии экономические представления собственности в виде или объектов собственности, или отношений к ним собственников и несобственников, но требует дополнительной детализации в отношении собственника – народа и несобственников, перечень которых будет уточнен ниже, к объектам публичной собственности, которое будет теперь проявляться уже отсутствии волеизъявления собственника и при наличии волеизъявления собственника и согласия несобственников (рис. 1).

Полученное новое структурное экономическое представление публичной собственности определяет возможность взаимодействия субъектов и объектов публичной собственности, что придает им эмерджентные свойства, которыми отдельно объекты и субъекты такой собственности не обладали. В рамках такого структурного представления отношения собственника – народа и несобственников к объектам публичной собственности приобретают принципиально иной характер. Они представляют собой некоторые отношения (функции, отображения, преобразования), определяющие характер использования объектов собственности, а именно:

для собственника – народа:

- **владеть**, т. е. иметь в своей собственности, называть объекты собственности по праву своими, непосредственно определять их юридическую судьбу;
- **пользоваться**, т. е. получать, извлекать пользу из объектов собственности;
- **распоряжаться (управлять)**, т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объекта собственности без возможности изменять их юридическую судьбу;
- **не нарушать** права третьих лиц;
- **нести бремя** по содержанию объектов собственности;
- **отвечать** за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

Рисунок 1 – Морфологическое представление собственности народа (публичной собственности)

для несобственников при отсутствии волеизъявления собственника – народа:

- не владеть;
- не пользоваться;
- не распоряжаться;
- не нарушать права собственников и третьих лиц;
- не нести бремя по содержанию принадлежащих собственнику объектов собственности;
- отвечать за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей;

для несобственников при наличии волеизъявления собственника – народа и согласия несобственников:

- пользоваться переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- распоряжаться переданными ему собственником объектами собственности для наиболее полного удовлетворения потребностей собственника;
- нести оговоренное с собственником бремя по содержанию переданных ему объектов собственности;

- не нарушать права собственника и третьих лиц;
- отвечать за неисполнение обязанностей, ненадлежащую реализацию своих прав и исполнение обязанностей.

Предложенное структурное представление материальной основы народовластия – собственности в полной мере исключает необходимость деления власти народа на ветви, поскольку использовать объекты публичной и частной собственности в интересах общества и его предприимчивой части могут работающие по найму на договорной основе специально обученные, высококвалифицированные специалисты, входящие в состав органов управлений и социальных институтов. Использовать (пользоваться и распоряжаться (управлять)) такие объекты собственности становится возможным при наличии волеизъявления собственника – народа и при согласии таких органов управлений и социальных институтов, что в полной мере может определяться не результатами выборов, а только квалификацией работников и договорными отношениями. Эти договорные отношения могут быть заключены собственником – народом с различными органами управления и социальными институтами, которые будут выступать в таких

отношениях уже как несобственники. Поскольку пользоваться и распоряжаться (управлять) народным достоянием, по сути, должны только высококвалифицированные специалисты, то утверждение В. И. Ленина о том, что «каждая кухарка может управлять государством» оказывается несостоятельным.

В этом плане власть народа как правление, которое по содержанию является программным (разомкнутым), т. е. без обратной связи и имеет форму власти, трансформируется в замкнутое управление (распоряжение), направленное на извлечение максимально полезных свойств из объектов собственности, а пользование оказывается связано с извлечением из объектов собственности не всегда максимально полезных свойств. Эти функции приобретают характер отношений собственника – народа и несобственников к объектам собственности, что в принципе исключает такие словосочетания

как «управление собственностью» [18], «развитие отношений собственности» [17] и т. п.

Придание отношениям собственника – народа и несобственников – органов управления и социальных институтов общеобязательного для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц значения превращает их в правоотношения (рис. 2).

Понятно, что для граждан РФ пользование объектами публичной собственности должно быть бесплатным, поскольку ни один собственник не платит сам себе за пользование принадлежащими ему объектами собственности. Однако на собственника возлагается бремя по содержанию принадлежащих ему объектов собственности, которое быть обеспечено соответствующим налогообложением.

Применительно же к условиям рынка для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных государств «пользование» объ-

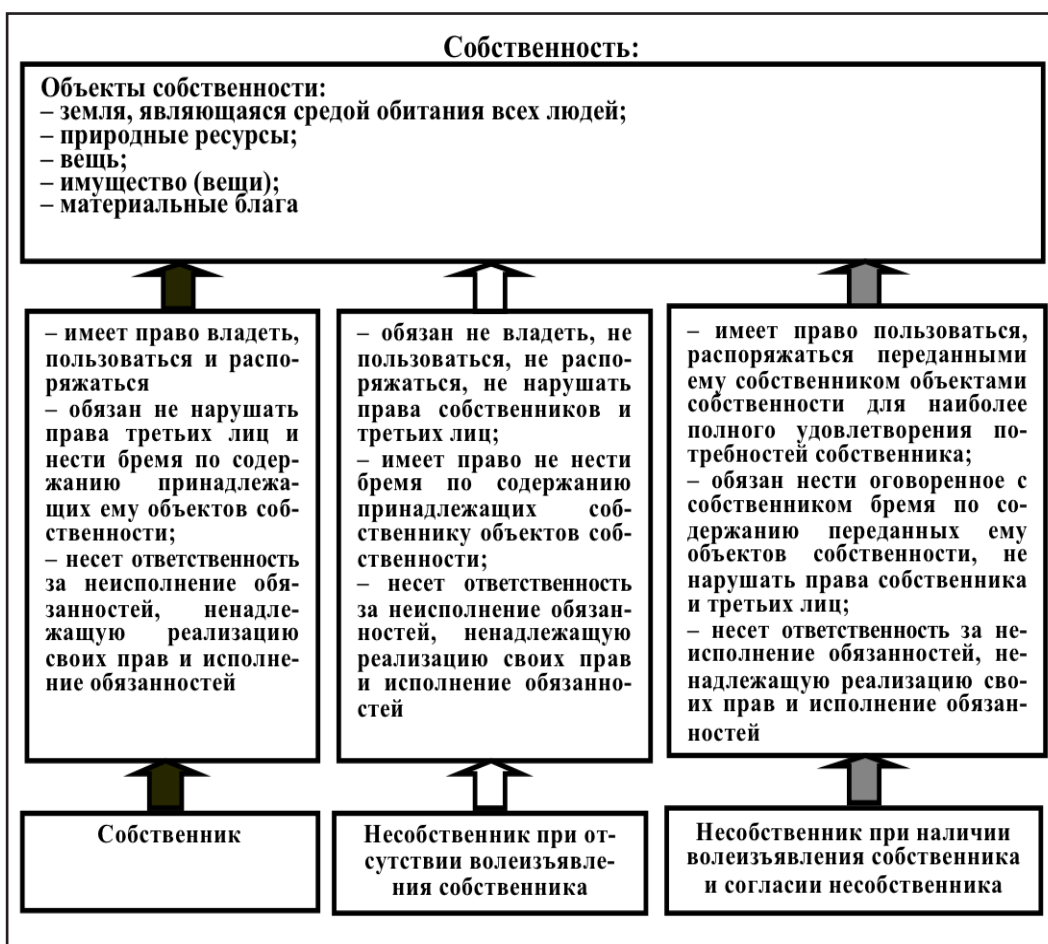

Рисунок 2 – Морфологическое правовое представление собственности, учитывающее различия в отношениях собственников и несобственников к объектам собственности
жизнедеятельность общества не только усилиями его предприимчивой части, но усилиями самого общества

ектами публичной собственности, также как и частной должно быть связано с «корыстованием, ... либо выгодой» [4, С. 220], которая выражается в денежном исчислении.

Таким образом, претворение в жизнь использования объектов и публичной, и частной собственности оказывается связано с реализацией в интересах собственников функций:

- пользоваться, т. е. получать, извлекать пользу из объектов собственности для граждан РФ и получением выгоды в денежном исчислении для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных государств;
- распоряжаться (управлять), т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объекта собственности для российского общества и его предприимчивой части без возможности изменить их юридическую судьбу.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика. Книга 3.
2. *Аристотель*. Политика Аристотеля. – 466 с.; Еллинек Г. Общее учение о государстве. / Вступительная статья докт. юрид. наук, проф. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А~З. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П~Р. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
5. *Домаков В. В.* Онтология истории методов государственного управления в России. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2008. – 267 с.
6. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака общественных отношений – собственности (на примере Российской Федерации). – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2011. – 356 с.
7. *Домаков В. В., Федоренко И. В.* Организация управления имуществом комплексом РФ при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования. – СПб.: Изд-во СПб НПО «Стратегия будущего», 2009. – 174 с.
8. *Домаков В. В., Чернолес В. П.* Диплом № 33–S на открытие «Закономерность изменения эффективности жизнедеятельности общества в условиях вариации среды хозяйствования» от 23. 11. 2007 г., г. Москва. Регистрационный № 445.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук, профессор О. Н. Садилов. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. – ХХП. – 778 с.
10. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1994. – 58 с. с изм. и доп. от 9.01.1996 г. № 2025; от 10.02.1996 г. № 173; от 9.06.2001 г. № 679; от 25.07.2003 г. № 841. – ч. 1 ст. 3.
11. *Локк Джон*. Два трактата о правлении. // Локк Джон. Сочинения: В 3 т., Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.; Ромашов Р. А. Общество и государство: концепция Джона Локка: Диссерт. ... канд. юрид. наук: (12.00.01) / МВД России, СПбЮИ. – 140 с.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1968. – 559 с.
13. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
14. Народный суверенитет. // Иванец Г. И., Калининский И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России: энциклопедический словарь. – М.: Юрид. лит., 2002.
15. Правоохранительные органы. Учебник для вузов. / Под ред. проф. К. Ф. Гуценко. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
16. Примеры документов с подобной формулировкой: ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, ч. 2 ст. 20 Основного закона ФРГ, ст. 3 Декларации прав человека и гражданина; Демократический режим. // Иванец Г. И., Калининский И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России: энциклопедический словарь. – М.: Юрид. лит., 2002.
17. Развитие отношений собственности в современной экономике России: монография. / С. Н. Максимов [и др.]; под общ. ред. С. Н. Максимова. – СПб.: СПБИЭУ, 2007. – 167 с.
18. Управление собственностью: теория и методология: монография. / С. Н. Максимов

[и др.]; под общ. ред. С. Н. Максимова. – СПб.: СПБИЭУ, 2007. – 183 с.

19. Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. / The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 16–17. – ISBN 5-8243-391-6.

20. Hyland J. L. Democratic Theory: The Philosophical Foundations. Manchester: Manchester Univ.

Press, 1995. ISBN 978-0-7190-4517-2.

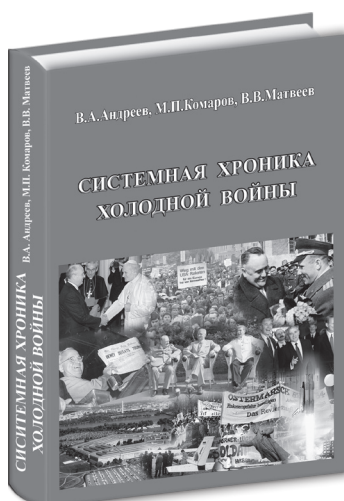
21. *Christiano T.* Democracy (англ.) // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2006.

22. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е. Ф. Борисов. – М.: Юристъ, 1997. – 536 с.

23. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер под ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. ISBN 5-282-01415-7.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В. А. Андреев, М. П. Комаров, В. В. Матвеев. Системная хроника Холодной войны. – СПб.: «Стратегия будущего», 2013 – 489 с.

Историки многих стран мира пытаются объяснить и осознать Холодную войну как историческое явление. Для ее изучения создаются специальные научные организации и реализуются специальные проекты. Однако пока нет главного для многообразных и адекватных исторических исследований – систематизированной и достаточно полной хроники Холодной войны.

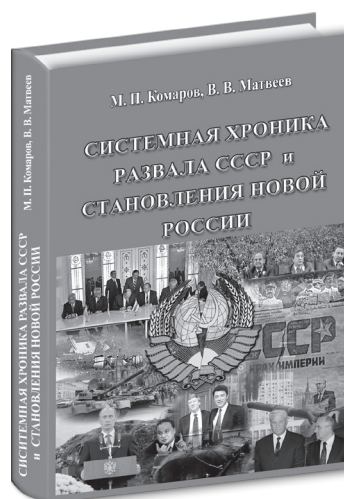
В настоящей работе впервые в систематизированном виде синхронизировано по времени, достаточно полно представлены исторические события и факты противоборства в годы Холодной войны в политической, идеологической, экономической, социальной и военной областях. Особое внимание уделено событиям противоборства в военной области: на суше, в воздухе, в космосе и в море.

Предназначена для всех тех, кто системно изучает международные отношения, а также интересуется историей второй половины XX века.

Комаров М. П., Матвеев В. В. Системная хроника развала СССР и становления новой России (1983-2014 гг.). – СПб.: «Стратегия будущего», 2017. – 423 с.: фото.

В книге в систематизированном виде представлена хроника событий разрушения мировой социалистической системы и её центрального элемента – Союза Советских Социалистических Республик; последующих, порой драматичных и даже трагичных, дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также выхода на новую историческую траекторию развития России – одной из крупнейших стран исчезнувшей системы социализма. Достаточно полно и синхронизированно во времени приведены события в политической, экономической, социальной и военной сферах общественной жизни.

Предназначена для специалистов и всех тех, кто системно изучает историю развития крупных международных образований и государств, в том числе в критических точках бифуркации, когда возникает неопределённость: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдёт на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.

По вопросам приобретения книг обращаться в редакцию журнала «Национальная безопасность и стратегическое планирование» (www.to-future.ru; e-mail: to-future@mail.ru; тел.: +7-911-7910880)